

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ПЕЧАТЬ
ВАСИЛИСКА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Редактор серии *Е. Дмитриева*
Оформление серии *Е. Петровой*

Корсакова, Татьяна.

К69 Печать Василиска / Татьяна Корсакова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-225995-1

В имение «Полозовы ворота» Алю пригласил родной дед, о существовании которого молодая женщина и не подозревала. Она воспитывалась в детдоме, и поэтому очень обрадовалась появлению родственника. Кстати, чрезвычайно своевременному: ей как раз необходимо спрятаться и затаяться. Однако, попав в имение, Аля понимает: что-то здесь нечисто. В этих краях существует легенда о пробуждении Василиска, который явится затем, чтобы забрать причитающееся ему. Неужели дед пригласил к себе внука с какой-то тайной целью?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225995-1

© Корсакова Т., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пусть на рассвете туманно —
Знаю — желанное близко...
Видишь, как тает неожиданно
Образ вдали Василиска?
Пусть всё тревожно и странно...
Пусть на рассвете туманно —
Знаю — желанное близко...

Андрей Белый

Рейсовый автобус, старенький и пыльный, сварливо дребезжащий на каждом ухабе, издал натужный стон и остановился аккуратно в центре здоровенной лужи. Аля едва не застонала: отчасти из-за подкатывающей к горлу тошноты, отчасти от безысходности. Все, мосты сожжены, назад дороги нет. Дорога только вперед — в светлое будущее. А то, что будущее начинается в бурой дождевой жиже, еще не самая большая проблема, видывала она проблемы и пострашнее.

— Станция Полозовы Озера! Конечная! — сообщил водитель, маленький, вертлявый мужичок в грязной, а местами даже рваной тельняшке. — Вылазь давай, краля! Приехали! — добавил он и подмигнул Алевтине, удостоил, так сказать, высокой чести.

Аля отвечать на заигрывания не стала, вытащила из-под пассажирского сиденья дорожную сумку, одернула футболку и посторонилась, пропуская спешащую к выходу странную парочку.

Дядька средних лет с внушительным брюшком и купидоновскими кудряшками, обрамляющими блестящую от пота лысину, отдуваясь и вполголоса чертыхаясь, волок по проходу здоровенный чемодан. Чемодан сопротивлялся изо всех сил, цеплялся колесиками

за ножки сидений, оставлял на грязной резине пола белые дорожки. Следом за дядькой, с видом в равной степени брезгливым и отстраненным, вышагивала мадам, одетая едва ли не по последней парижской моде. Мадам была статной, высокой, еще достаточно молодой и привлекательной. Такой бы разъезжать не в рейсовой колымаге, а на собственном «Ягуаре» или, на худой конец, «Порше». Да и в этом медвежьем углу ей делать нечего. Баден-Баден, Рим, Венеция — это да, это гармонично и вполне естественно для женщины, сошедшей с обложки модного журнала, но деревенька с романтическим названием Полозовы Озера...

— Вадик, аккуратнее, — мадам мазнула по Алиному лицу равнодушным взглядом и носком изящной туфельки отбросила со своего пути кусок надорванной и изрядно потоптанной газеты. — Я этот чемодан в Милане покупала, не вздумай его поцарапать.

Аля усмехнулась, значит, не ошиблась она насчет Баден-Бадена. Мадам — птица высокого полета, у нее чемодан небось стоит больше, чем весь этот несчастный автобус.

— Не волнуйся, дорогая, — дядька поднапрягся и вытащил-таки чемодан на середину прохода, — все будет в лучшем виде.

— В лучшем виде! — Мадам обмахнулась свежим журналом «Вог» и подняла глаза к потолку, красноречиво давая понять всем присутствующим, как ей все это провинциальное безобразие тяжело и неприятно.

В каком-то смысле Аля была с ней солидарна. Населенный пункт Полозовы Озера вызывал и в ее душе бурю протеста, но, в отличие от мадам, ей выбирать не приходилось.

— Выходим, выходим! Поторапливаемся! — прикрикнул водитель, закуривая папиросу.

От поплывшего по салону вонючего табачного дыма вернулась отступившая было тошнота. Аля торопливо достала из кармана джинсов мятный леденец, сунула его за щеку. Вот что ни говори, странный у нее организм: когда сама за рулем, то ни о какой тошноте речь не идет, но стоит только пересесть на общественный транспорт, как тут же начинает укачивать. От воспоминаний о маленькой и юркой «Мазде», брошенной на произвол судьбы посреди чистого поля, на глаза навернулись слезы. Совершенный Алей поступок был равносителен предательству, но по-другому никак. По-хорошему машинку стоило бы утопить или сжечь, чтобы окончательно замести следы, но совершить такое святотатство рука не поднялась. Предательство еще куда ни шло, но убийство...

— Что это? — От невеселых мыслей Алю отвлек возмущенный голос мадам. — Отгоните немедленно свою колымагу на нормальную дорогу, здесь же воды по колено! Вадик, не смей лезть в эту лужу! Еще, не дай бог, чемодан утопишь!

А, вот, значит, она о чем — о луже! И снова Аля была с мадам солидарна. Форменное безобразие эта лужа.

— А ты не командуй! Раскомандовалась здесь! — беззлобно огрызнулся водитель и сплюнул в открытое по случаю жары окошко. — Видишь, — он указал заскорюзлым пальцем куда-то вдаль, — написано: «Остановка». Стало быть, я правильно тормознул, а останавливаться в неположенных местах мне не дозволено. Меня, между прочим, оштрафовать могут за нарушение правил дорожного движения.

— Да кто тебя, козла немытого, оштрафует?! — А мадам, оказывается, умеет и по-простецки разговаривать, на одном языке с массаами. — Да в этом вашем Мухосранске про правила дорожного движения, поди, и не слышали.

— Это у вас там Мухосранск, — обиделся за малую родину водитель, — а у нас здесь места цивилизованные, туристические.

— Откатывай свою колымагу! — мадам угрожающе взмахнула свернутым в трубочку «Вогом».

Стоящая у двери щупленькая бабулька испуганно ойкнула, перекрестилась, а потом с укором посмотрела на водителя и сказала:

— Совсем ты, Ванька, совесть потерял. Что ж ты над людьми-то издеваешься? Вот я как твоей Зинке пожалуюсь, уж она тебя научит правилам дорожного движения!

Удивительное дело, но бабульку водитель послушался, в сердцах отшвырнул недокуренную папиросу и завел мотор. Правда, новое место парковки оказалось не многим лучше старого: теперь вместо лужи прямо перед открытыми дверями красовалась коровья лепешка. Привычных к подобному натурализму аборигенов лепешка не смутила, а вот мадам сельская экзотика пришлась не по нраву. Наверное, она бы продолжила пререкаться, если бы ее спутник не взмолился:

— Эллочка, солнце мое, я тебя прошу!

Эллочка картинно вздохнула, достала из ридикюля носовой платок, поднесла к носу и, зажмурившись, как перед прыжком с парашютом, переступила через лепешку. Аля спрыгнула следом, бухнула сумку на плавающий от полуденной жары асфальт, смахнула со лба капли пота и огляделась.

Населенный пункт Полозовы Озера являл собой типичную для российской глубинки картину. Покосившись, вросшие в землю едва ли не по самые окна домики смотрели на окружающий мир уныло, стыдливо прикрывались кустами цветущей сирени, а кое-где угрожающе щетинились самодельными антеннами. Посреди выложенного потрескавшимися от времени бетонными плитами маленького пяточка, аккурат перед приземистым двухэтажным зданием с гордой табличкой «Сельский совет», красовался загаженный голубями бюст Владимира Ильича. Чуть правее находилось средоточие деревенской жизни — магазин. На скамеечке перед ним великой какой-то неспешный разговор местные аксакалы. У их ног деловито сновали туда-сюда рыжие в крапинку куры. Пасторальную картинку довершала точно сошедшая с экрана бричка, запряженная маленькой гнедой лошадкой. Лошадка тихо пофыркивала, мотала головой, отгоняя назойливых мух, шлепала губами и пыталась дотянуться до островка выбивающейся из-под бетона травы.

Аля с удовольствием полюбовалась бы всей этой красотой, если бы не мучивший ее вопрос. В своем последнем письме дед пообещал, что в Полозовых Озерах ее непременно встретят, но в пределах видимости не было ни одной машины. Может, встречающий опаздывает? Это ж в городе время на вес золота, а тут, у истоков, все совсем по-другому.

Аля собралась было присесть здесь же, на завалинке, когда позади что-то гроыхнуло и заревело — рейсовый автобус тронулся в обратный путь. Все, теперь мосты точно сожжены, больше на сегодня в райцентр рейсов не будет, Аля специально уточняла на автовокзале, и если за ней так никто и не приедет, то придется как-то выживать до следующего вечера.

Ну и пусть! Ей не привыкать выживать в условиях, близких к экстремальным. Не это страшно. Страшно, что, если единственная ниточка, дававшая ей надежду на будущее, вдруг сейчас оборвется, на собственной непутевой жизни можно ставить крест, потому что бежать ей больше некуда, да и сил больше никаких нет бегать.

— Доброго здоровьечка! — кто-то бесцеремонно дернул Алю за рукав. — Это ж вы Алевтина?

Встречающий! Ну слава богу! Аля обернулась, да так и застыла с открытым ртом. Встречающий, если, конечно, это он, оказался персонажем до крайности колоритным. Высокий, худой, нескладный, с лицом, по которому определить возраст не представлялось никакой возможности, он смотрел на Алю ясными васильковыми глазами и безмятежно улыбался. Так улыбаться могут только дети и... душевнобольные. Догадку о психическом нездоровье незнакомца подтверждала и его более чем странная экипировка: галифе с красными лампасами, криво подпоясанная армейским ремнем ветхая гимнастерка и лихо сдвинутая на макушку фуражка. В руках он держал тоже что-то милитаристское: не то патронташ, не то планшетную сумку, Аля в таких вещах была несведуща, поэтому с ходу определить сущность данного предмета затруднялась.

— Я говорю, здрасти вам! — мужчинка улыбнулся и взял под козырек. — Я говорю, вы Алевтина? — Он подался вперед, внимательно всмотрелся в Алино лицо.

— Я, — она на всякий случай отступила на шаг. Мало ли что у этого ненормального окажется в торбе.

— Очень приятно! А я товарищ Федор! — мужчинка протянул ей руку.

Ладонь была мозолистой и не слишком чистой, поэтому пожалала ее Аля с опаской и едва удержалась от того, чтобы вытереть руку о джинсы.

— Федор?

— Не Федор, а товарищ Федор, — мягко поправил ее собеседник и полез в свой патронташ. — Вот тут у меня и документик имеется. Полюбопытствуйте!

Документиком оказалась узкая книжица с тисненной золотом надписью «Удостоверение», на развороте которой была наклеена распечатанная на принтере фотография штурмбаннфюрера Штирлица и неловким детским почерком выведено: «Товарищ Федор. Дварецкий из Полозовых ворот». Значит, вот какой у деда помощник — товарищ Федор, дварецкий... Аля вздохнула, вернула документик владельцу и спросила с надеждой:

— А Игнат Петрович случайно не приехал?

— Не, — товарищ Федор покачал головой, — хозяин из поместья выезжать не любит. По надобностям в деревню меня или Марью Карповну посылает. Вот и сейчас велел вас встретить. Поехали, что ли?

— На чем? — Алевтина отступила еще на шаг. Еще не хватало, чтобы этот полоумный сел за руль.

— Так на Звездочке! — товарищ Федор мотнул головой в сторону припаркованной у магазина брички. — Я всюду на Звездочке ездию. Она очень умная, все-все понимает.

Не успела Аля опомниться, как он сунул пальцы в рот и округу огласил залихватский разбойничий свист.

— Федька, вот скаженный! — давешняя бабулька снова перекрестилась и погрозила Алиному провожатому кулаком: — Ты что хулиганишь?! Гляди, курей мне всех распугал, ирод!

Товарищ Федор на бабулькину гневную отповедь никак не отреагировал. Наверное, потому, что все его внимание было занято умной и все понимающей лошадкой Звездочкой, которая притрусилась к нему резвой рысью и сейчас ласково терлась башкой о патронташ.

— Сладости любит до зарезу, — товарищ Федор потрепал лошадку за ухом, а потом с надеждой посмотрел на Алю: — У вас сладостей нету?

— Только мятные леденцы, — сказала она растерянно. — Пойдет?

Товарищ Федор кивнул так энергично, что фуражка едва не слетела на землю:

— Давайте леденцы! Конфеты Звездочка особенно уважает.

Конфет набралось аж четыре штуки. Аля сняла с них обертки, выложила на ладонь и с опаской протянула лошадке. Та покосилась на нее черным с поволокой глазом, а потом бархатными, чуть влажным губами деликатно смахнула с ладони угощение.

— Все, теперь она ваша навеки, — радостно сообщил товарищ Федор. — Теперь вы на ней тоже можете ездить, где захотите.

— Так, может, давай уже поедем? — предложила Аля, косясь на дореволюционную бричку.

— Так поедем! Конечно, поедем! — товарищ Федор чмокнул Звездочку в лоб, проворно вскарабкался на козлы, протянул Але руку: — Давайте, хозяйка, залазьте!

Хозяйка... Какая ж она хозяйка? Она так, не пойми кто: не то хозяйская гостья, не то хозяйская родственница. Слишком уж все неожиданно и запутанно.

Аля забралась в бричку, пристроила сумку под обтянутой зеленым сукном лавкой, обеими руками вцепилась в борта повозки. Еще ни разу в жизни ей не дово-

дилось ездить на таком экзотическом виде транспорта. Может, зря она скормила все леденцы Звездочке? Вдруг, не ровен час, укачает.

Опасения ее оказались напрасными. Ехать в бричке было комфортно и даже приятно, намного приятнее, чем в воняющем махоркой и бензином рейсовом автобусе. И даже мерное бубнение товарища Федора совсем не раздражало. Аля присмотрелась повнимательнее и вдруг поняла, что товарищ Федор еще совсем молодой, может, даже моложе ее. Просто из-за нечесанности да неухоженности кажется гораздо старше своих лет. А может, и болезнь как-то сказывается.

* * *

Бричка тихо-мирно катилась по проселку, а Аля, успевшая рассмотреть спутника в малейших деталях, переключилась на окружающий ландшафт. Пейзаж разнообразием не поражал, но выглядел весьма мило: заливной луг с одной стороны и редкий березовый лесок с другой. Сначала лес был просто лесом, но чем дальше они отъезжали от Полозовых озер, тем больше и больше местность оправдывала свое название. Все чаще и чаще между деревьями поблескивала вода, а зелень, и без того буйная, сделалась еще пышнее.

Аля свесилась с брички, сорвала сочную травинку и спросила:

— Это что, болото или озеро?

Товарищ Федор посмотрел в ту сторону, куда она указывала, и, пожав плечами, сказал:

— Так и то, и другое. Тут же места такие... мокрые, кругом вода. Есть озера, есть болота, а есть даже топи. Тут чужих знаете сколько попропадало? Только на моей

памяти человек тридцать. Как ушли на озера, так и сгнули.

— А местные не пропадают?

— Так а чего ж местным-то пропадать? — удивился товарищ Федор. — Местные здесь все хорошо знают. Знают, куда соваться нельзя.

— А куда соваться нельзя? — Аля всмотрелась в мелькающую за деревьями воду. Вода была черной и лишь кое-где отсвечивала серебром.

— Дык много куда. — Чувствовалось, что товарищу Федору разговор то ли неприятен, то ли неинтересен. Он помолчал, легонько стегнул Звездочку ивовым прутиком и заговорил: — На Настасьину топь соваться нельзя, еще на Мертвое озеро.

Настасьина топь, Мертвое озеро — названия-то какие, аж мурашки по коже. Аля невольно поежилась.

— Эй, — она осторожно тронула паренька за рукав, — а что это за Настасьина топь такая?

— Да так, — товарищ Федор неопределенно взмахнул прутиком, — место одно нехорошее. С виду лужайка, а как ступишь на такую лужайку, так тебе и конец.

— Почему конец?

— Потому что не лужайка это, а трясина. И глазом моргнуть не успеешь, как засосет.

— А почему она Настасьина?

— Потому что в ней Настасья, дочка тутошнего помещика, утопла. Говорили, что батька хотел ее силой замуж выдать, уже вез к жениху на смотрины, а она возьми да и убеги, — товарищ Федор нахмурился. — Ну, батька, ясное дело, за ней вдогонку бросился и уже почти догнал, да только Настасья в трясину угодила, прямо у него на глазах.

— И что? — шепотом спросила Аля.

— А ничего, батька ей условие поставил: или она его воле подчинится и замуж выйдет за нелюбимого, или потонет в трясине.

— А она?

— А она отказалась, смерть мученическую приняла, прямо на глазах у родного отца, а напоследок успела ему шепнуть кое-что.

— Что шепнуть? — Аля аж травинку выронила от напряжения. Интересно же, чем дело кончилось.

— Шепнуть? — товарищ Федор посмотрел на нее своими васильковыми глазами. Смотрел долго-долго, Але аж не по себе стало от этого его странного взгляда, захотелось прыгнуть с брочки и бежать со всех ног. Да хоть на ту же Настасьину топь, лишь бы подальше от этого ненормального. — Так никто ж не знает, что она бате своему шепнула, — товарищ Федор улыбнулся, — они ж на болоте одни были.

Аля шумно выдохнула. Вот тебе и сказочке конец, а кто слушал — молодец. И в чем мораль этой страшилки, если неясно, чем дело кончилось?

— Только вот... — товарищ Федор почесал за ухом черенком прутика, — только с тех пор, как Настасья потонула, род Бежицких оскудел и чуть не перевелся, а на топи с тех пор в полнолуние начал Настасьин призрак являться, женихов на дно болотное утаскивать.

Про призрак несчастной Настасьи Аля пропустила мимо ушей, гораздо более интересной ей показалась другая информация — о роде Бежицких. Фамилия ее новообретенного деда была Бежицкий. Это что же значит? Значит, он потомок того самого жестокосердного батьки, утопившего в болоте своенравную дочку? И она, Аля, стало быть, тоже в некотором роде потомок? Хорошая же у нее родословная, ничего не скажешь...

Несколько минут ехали молча. Звездочка тихо всхрапывала, в ветвях деревьев щебетали невидимые пичужки, в высокой, по пояс, траве стрекотали кузнечики, а товарищ Федор на удивление чистым и звонким голосом затянул какую-то лиричную песню о безответной любви. Аля дослушала песню до конца и, лишь когда в подрагивающем от жары воздухе истаяла последняя нота, спросила:

— А что насчет Мертвого озера? Почему оно мертвое?

— Озеро? — товарищ Федор поправил ремень. — Так потому мертвое, что не водится в нем ничего.

— Совсем-совсем ничего?

— Совсем-совсем. Ни рыба, ни даже лягушки.

— А почему?

— Потому что вода в нем мертвая, как же непонятно?! — удивился товарищ Федор.

Да уж, чего тут непонятного?! Озеро мертвое, потому что не водится в нем ничего. А не водится ничего, потому что вода мертвая. Жаль только, что это ровным счетом ничего не объясняет. Ладно, может, кто-нибудь более сведущий в этих вопросах растолкует ситуацию. Может, даже дед.

— И где они? — спросила она напоследок.

— Кто — они?

— Ну, топь эта и озеро Мертвое. Далеко отсюда?

— Недалеко, — товарищ Федор надвинул фуражку на самые глаза. — Топь вот уже начинается, — он махнул рукой влево от дороги.

Аля присмотрелась: лужайка как лужайка, деревца даже имеются, а воды никакой не видно. Точно, что ли, топь?

— А озеро?

— А озеро сейчас сами увидите, скоро уже.

Точно в подтверждение его слов, проселок резко свернул вправо, нырнул в густую тень от кряжистых вековых лип. Сразу стало прохладнее, потянуло свежестью, запахло водой. Обычно так пахнет у реки, но тут не река, тут озеро, да еще и мертвое.

— Вот и поместье! — сообщил товарищ Федор и на радостях подбросил в воздух фуражку.

Фуражка закончила свой полет бесславно — повисла на липовой ветке, но товарищ Федор не расстроился, хитро посмотрел на Алю, попросил:

— Хозяйка, там у вас под лавкой палочка. Вы б мне ее подали, а?

Палочка оказалась алюминиевой трубкой, складывающейся наподобие телескопической антенны.

— Это? — Аля протянула товарищу Федору трубку.

— Она самая! — он ухватился за толстый конец трубки и ловко — чувствовалось, что манипуляция производится не в первый раз, — смахнул на землю головной убор.

Из-за хлопот с фуражкой сам дом Аля заметила не сразу, а как увидела, не поверила своим глазам. Честно говоря, когда товарищ Федор называл дом поместьем, да еще и именовал его гордо и весомо «Полозовы ворота», она представляла себе что-то достаточно внушительное, возможно даже двухэтажное, но действительность превзошла самые смелые ожидания. Дом и в самом деле оказался поместьем, причем поместьем огромным, с двумя этажами, массивными колоннами и раскинувшимися по бокам от центрального входа боковыми крыльями. Стены первого, а кое-где и второго этажей обвивал дикий виноград, из-за этого дом был похож на средневековый европейский

замок. В общем, увиденное производило очень сильное впечатление.

Звездочка радостно всхрипнула, ускорила шаг и весело зацокала копытами по мощенной красными камнями подъездной аллее.

— Уже скоро! — товарищ Федор приосанился, поправил ремень. — Красиво тут у нас, правда?

— Красиво, — Аля рассеянно кивнула.

Стоило бы как-то развить мысль, похвалить архитектуру и красоты здешней природы, но внимание девушки привлек расположенный напротив парадного входа фонтан. Наверное, в стародавние времена он являл собой внушительное зрелище, сейчас же судить о былом великолепии можно было лишь по полуразрушенной скульптурной композиции, производящей на неподготовленного зрителя жуткое впечатление. Обнаженная девушка билась в объятиях гигантского змея. Раздвоенный язык твари петлей захлестывался на тонкой девичьей шее, а длинный черный хвост обвивал щиколотки. Из-за временных катаклизмов, а может, и из-за происков вандалов у девушки практически не осталось лица, а правая рука была отломана по локоть. Зато чудище сохранилось намного лучше: чешуя на черных мраморных боках лоснилась, а увенчанный острым шипом кончик хвоста, казалось, нетерпеливо подрагивал.

— Что это? — ежась от отвращения, Аля кивнула на фонтан.

— Это еще от прежних хозяев осталось, — товарищ Федор взглянул на фонтан лишь мельком и тут же отвернулся. — Это статуя, — добавил, немного помолчав.

— А что за зверь такой? — смотреть на чудище не хотелось не только ей, но и Звездочке. Лошадка оги-

бала фонтан по большой дуге и, как показалось Але, нервно прядала ушами.

— Это не зверь, это Василиск, — товарищ Федор натянул поводья, притормаживая Звездочку аккуратно перед разверстой каменной пастью, — полоз по-нашенскому.

Полоз, значит? Вот откуда все эти диковинные названия: Полозовы озера, Полозовы ворота. Все из-за этой хвостатой твари, оккупировавшей подступы к дому. И куда только хозяева смотрят? Будь Алина воля, она бы этот «шедевр» сровняла с землей, чтобы даже следов не осталось. Зачем же жуть такую во дворе держать?

Звездочка испуганно покосилась на Василиска и потрусилась к дому, но, даже когда фонтан остался позади, Аля не смогла вздохнуть с облегчением — спину сверлил недобрый взгляд каменной твари.

Вблизи дом уже не казался таким величественным и монументальным. Скорее наоборот: мраморные ступени парадного входа раскрошились, дикий виноград маскировал пожелтевшую и местами облупившуюся краску, оконные рамы просели и покосились, а лак на огромных дубовых дверях почернел от времени. Новыми и ухоженными казались лишь начищенные до блеска медные дверные ручки в виде змеиных голов. Вообще, как успела заметить Аля, у здешних хозяев всякие ползучие гады находились в особой чести. Вон и на стенах барельефы со змеями и прочей земноводной нечистью, словно ничего краше придумать нельзя.

— Вот мы и дома! — товарищ Федор соскочил с брички. — Хозяин, наверное, уже заждался. Еще ругаться станет, что я вас долго вез, — он просительно

посмотрел на Алю, робко улыбнулся. — Вы бы ему сказали, что автобус опоздал. Вам он поверит.

— Скажу, не волнуйся, — Аля кивнула.

Товарищ Федор обрадовался, притопнул ногой в кирзовом армейском сапоге, крутнулся вокруг своей оси — суший ребенок, честное слово.

— А что, хозяин очень строгий? — спросила Аля, выбираясь из брочки.

Интересно же, какой прием ее ждет в этом странном доме. Из переписки многого о человеке не узнаешь, а дед и в письмах был немногословен, о себе практически ничего не рассказывал, все больше спрашивал об Алином житье-бытье. А самой вопросы задавать было как-то неловко, да и недосуг — слишком все неожиданно случилось, слишком быстро завертелось.

— Строгий, — товарищ Федор насупился, шмыгнув носом, но тут же расплылся в улыбке и добавил: — Только лучшего хозяина мне все равно не сыскать. Он меня дебилом никогда не называет и на двадцать третье февраля завсегда подарки дарит. Вот портупею видите? — парнишка поправил ремень. — Это все он, хозяин, мне подарил. А на Новый год обещал настоящий «наган», как в музее в райцентре.

— Зачем же тебе «наган»? — улыбнулась Аля.

— Так это... чтобы защищаться.

— От кого?

— От него, — товарищ Федор торопливо оглянулся по сторонам и перешел на заговорщицкий шепот: — В деревне говорят, он снова проснулся, говорят, тетки Авдотьи корову сожрал с потрохами.

— Кто — он? — несмотря на полуденную жару, по спине пробежал холодок.